

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-
процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением
Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего интересы
Сакимбаевой Айжан Базаркуловны

4 июня 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе:
председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А.,
Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш.,
Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы, с участием:

обращающейся стороны – Айткулова Икрамидина Назировича,
представляющего интересы Сакимбаевой Айжан Базаркуловны;

стороны-ответчика – Ысыранова Самата Кыштообековича,
постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в
Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц – Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного
представителя Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики
в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты

Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Байдылдаева Кумарбека Курманбековича, Калыгул уулу Бакыта, представителей Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Сабырова Кубанычбека Сабыровича, Курвангалиева Бексултана Курвангалиевича, представителей Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аяза Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Абдыралиева Аргена Турумбековича, представителя Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились обращение Айткулова И.Н., представляющего интересы Сакимбаевой А.Б., и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормативные нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 2 декабря 2024 года поступило обращение Айткулова И.Н., представляющего интересы Сакимбаевой А.Б., о проверке соответствия частей 1, 2 статьи 397

Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК) частям 1, 2 статьи 61, частям 3, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства, в рамках уголовного дела, возбужденного по признакам части 1 статьи 343 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК), сотрудниками Государственного комитета национальной безопасности был задержан с поличным старший инспектор отдела проверок Управления Государственной налоговой службы Узбеков П.А. по подозрению в вымогательстве и получении взятки от предпринимателя Абдыкариевой Д. через Сакимбаеву А.Б. На основании имеющихся данных Сакимбаева А.Б. также была задержана по подозрению в посредничестве во взяточничестве.

Узбеков П.А. приговором Московского районного суда Чуйской области от 12 мая 2023 года был признан виновным и осужден к штрафу в размере 5000 расчетных показателей с лишением права занимать должности в органах налоговой службы сроком на два года. Приговор был постановлен в упрощенном порядке в связи с заключением соглашения о его признании вины.

Между тем, производство в отношении Сакимбаевой А.Б., действия которой изначально охватывались тем же уголовным делом, было впоследствии выделено в отдельное производство и рассматривалось в общем порядке, в связи с чем примененный к Узбекову П.А. порядок не распространился на нее. При этом, как утверждает Айткулов И.Н., Сакимбаева А.Б. не была уведомлена о данном процессуальном решении и узнала о нем только после вынесения приговора в отношении Узбекова П.А., что, по его мнению, лишило ее возможности своевременно реализовать право на обжалование действий следователя.

Более того, как полагает заявитель, приговор в отношении Узбекова П.А. фактически предопределил вывод о виновности Сакимбаевой А.Б. в инкриминируемом ей посредничестве во взяточничестве, что повлекло

ухудшение ее процессуального положения. Он также считает, что всестороннее, полное и объективное рассмотрение ответственности Сакимбаевой А.Б. в отрыве от дела Узбекова П.А. представляется нецелесообразным, поскольку предметом расследования в обоих уголовных делах выступают одни и те же действия, связанные с дачей и получением одной и той же взятки в размере 50 тысяч сомов.

Учитывая изложенное, Айткулов И.Н. подал апелляционную жалобу на приговор, однако она была возвращена судом со ссылкой на статью 397 УПК в связи с отсутствием у Сакимбаевой А.Б. статуса участника процесса.

В то же время заявитель подчеркивает, что законодатель прямо наделяет правом обращения в суд кассационной инстанции и иных заинтересованных лиц, не являющихся участниками уголовного процесса, что закреплено в части 1 статьи 440 УПК. Однако, согласно части 3 статьи 439 УПК, судебные решения, не обжалованные в апелляционном порядке, не подлежат кассационному пересмотру. Вследствие этого, приговор в отношении Узбекова П.А. не может быть предметом кассационного обжалования и для Сакимбаевой А.Б., несмотря на ее прямую заинтересованность.

Таким образом, заявителем подчеркивается наличие правовой неопределенности в применении частей 1 и 2 статьи 397 УПК, поскольку они не предусматривают механизм обжалования судебных решений со стороны лиц, чьи права затрагиваются, но которые формально не признаны участниками уголовного процесса.

По мнению заявителя, это препятствует доступу к правосудию не по причине отсутствия правового интереса, а вследствие формально созданной процессуальной конструкции, ограничивающей возможность защиты нарушенного права. Указанное, по его мнению, противоречит конституционным принципам верховенства права, неотчуждаемости прав и свобод, равноправия сторон и гарантиям судебной защиты,

закрепленным в преамбуле Конституции, частях 1 и 2 статьи 6, статье 23, частях 1 и 2 статьи 61, частях 3 и 5 статьи 100.

Основываясь на изложенном, заявитель просит признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 27 декабря 2024 года данное обращение было принято к производству.

В ходе судебного заседания обращающаяся сторона поддержала свои требования и просила их удовлетворить.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранова С.К. выразил несогласие с доводами заявителя и считает оспариваемые нормы не противоречащими Конституции.

Как отмечает Ысыранов С.К., обеспечение конституционного установления невозможно без эффективных механизмов исправления судебных ошибок. В этом контексте особое значение приобретают институты апелляционного и кассационного производств, являющиеся важнейшими инструментами пересмотра и корректировки судебных решений.

В рамках действующего уголовно-процессуального законодательства эти механизмы реализуются, через возможность обжалования судебных актов. Как один из таких актов, приговор, не вступивший в законную силу, может быть обжалован в апелляционном порядке сторонами по делу. Таковыми являются обвиняемый, оправданный, лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, их адвокаты и законные представители, государственный обвинитель или вышестоящий прокурор, потерпевший и его представитель, а также лица, на имущество которых наложен арест (статья 397 УПК).

Ысыранов С.К. отмечает, что такое ограничение круга лиц, обладающих правом на апелляционное обжалование, продиктовано необходимостью наличия у лица непосредственного правового интереса в исходе дела. Лица, не являющиеся участниками уголовного процесса, таким интересом не обладают, и их допуск к рассмотрению дела в апелляционном порядке создавал бы риски вмешательства в отправление правосудия и злоупотребления процессуальными средствами.

Представитель стороны-ответчика также подчеркивает, что законодательное ограничение субъектов апелляционного обжалования направлено на обеспечение оперативной и эффективной защиты прав личности, а также на соблюдение разумных сроков судопроизводства, что обусловлено необходимостью обеспечения процессуальной экономии. Принцип процессуальной экономии предполагает ограничение круга лиц, имеющих право на подачу апелляционной жалобы, с целью недопущения затягивания судебного разбирательства и предотвращения чрезмерной нагрузки на суды апелляционной инстанции.

Расширение перечня субъектов могло бы привести к дестабилизации уголовного процесса.

Кроме того, Ысыранов С.К. полагает, что вопрос определения круга лиц, наделенных правом на обжалование, напрямую вытекает из сущности самого судебного акта. Так, приговор, вынесенный в отношении одного обвиняемого, не может предопределять правовую судьбу другого лица, представляя собой индивидуальный процессуальный акт, содержащий вывод о виновности либо невиновности конкретного лица. Он не распространяет правовых последствий на иных лиц, не привлеченных к уголовной ответственности по данному делу, и не затрагивает их права и законные интересы.

Вместе с тем, он утверждает, что права лиц, не являющихся стороной по делу, могут быть реализованы через механизм прокурорского реагирования. Так, в соответствии с частью 3 статьи 397 УПК и статьей 41

конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», прокурор наделен полномочиями обжаловать незаконные судебные акты и вступать в дело на любой стадии для защиты прав граждан и охраняемых законом интересов. Тем самым прокуратура выступает механизмом правовой защиты и институциональным гарантом законности, компенсирующий отсутствие самостоятельного права на апелляционное обжалование у рассматриваемой категории лиц.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. также считает доводы заявителя необоснованными, а оспариваемые нормы не противоречащими Конституции.

Он считает, что выделение уголовного дела в отношении Сакимбаевой А.Б. было произведено в установленном законом порядке и не повлекло нарушения ее прав. В соответствии с пунктами 2 и 6 статьи 142 УПК, такое процессуальное решение оформляется постановлением следователя и вносится в Единый реестр преступлений. Основанием для выделения в данном деле послужило заключение Узбековым П.А. соглашения о признании вины, в связи с чем его дело подлежало рассмотрению по особому порядку, предусмотренному главой 44 УПК.

Приговор, вынесенный в таком порядке, не содержит оценки доказательств и не может быть обжалован по основанию неисследованности обстоятельств. Он также не приобретает преюдициального значения в отношении других лиц, поскольку не содержит выводов относительно их действий и не основан на анализе всей доказательственной базы по делу.

Таким образом, доводы заявителя о том, что не были исследованы доказательства в отношении Узбекова П.А., не могут служить основанием для отмены или пересмотра дела Сакимбаевой А.Б.

В свою очередь, Сакимбаева А.Б., как обвиняемая по выделенному делу, обладала полным объемом процессуальных прав, предусмотренных

статьей 46 УПК, включая возможность участвовать в процессе, представлять доказательства, заявлять ходатайства об истребовании основного дела и допросе свидетелей, в том числе Узбекова П.А., а также обжаловать процессуальные решения суда.

При этом Молдобаев А.Т. отмечает, что согласно статье 23 УПК, суд оценивает доказательства на основе внутреннего убеждения, руководствуясь законом. Доказательства, собранные на стадии досудебного производства, включая оценку следователя или прокурора, не имеют обязательной силы. Соответственно, приговор, вынесенный без анализа доказательств, не может служить основанием для признания виновности другого лица без проведения полноценного судебного разбирательства и оценки относящихся к нему доказательств.

Представители Верховного суда, Генеральной прокуратуры, Государственного комитета национальной безопасности, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел выразили мнения, аналогичные изложенным в позициях Ысыранова С.К. и Молдобаева А.Т.

Вместе с тем, в дополнение к указанной позиции, представитель Верховного суда отметила, что уголовно-процессуальное законодательство разграничивает пределы полномочий судов апелляционной и кассационной инстанций.

Так, апелляционное обжалование представляет собой форму судебного контроля, осуществляемого в рамках повторного рассмотрения дела, при котором суд апелляционной инстанции наделен более широкими полномочиями по сравнению с судом кассационной инстанции. В частности, апелляционный суд вправе рассматривать дело по правилам суда первой инстанции, исследовать доказательства, заново оценивать обстоятельства и выносить новое решение, как в полном объеме, так и в обжалуемой части.

В отличие от этого, кассационная инстанция не рассматривает дело заново, а ограничивается проверкой соблюдения норм материального и

процессуального права, оценивая не фактические обстоятельства, а юридическую корректность ранее вынесенного судебного решения.

Такое различие в объеме и характере полномочий апелляционной и кассационной инстанций объективно обосновывает разграничение круга субъектов, наделенных правом обращения в каждую из них.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу являются нормативные положения частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенные в следующей редакции:

«Статья 397. Право апелляционного обжалования

1. В соответствии с требованиями настоящей главы приговор, не вступивший в законную силу, а также иные судебные акты суда первой инстанции могут быть обжалованы сторонами в апелляционном порядке.

2. Право обжалования судебного решения принадлежит обвиняемому, оправданному, лицу, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, их адвокатам и законным представителям, государственному обвинителю или вышестоящему прокурору, потерпевшему и его представителю, а также лицам, на имущество которых наложен арест.

Лицо, ответственное за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда, вправе обжаловать судебное решение в части возмещения материального ущерба и (или) морального вреда.».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года №129 принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» 16 ноября 2021 №122-133, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Как в правовом и демократическом государстве уголовный процесс в Кыргызской Республике строится на неукоснительном соблюдении фундаментальных конституционных начал, обеспечивающих верховенство права, справедливость, защиту и уважение прав и свобод человека и гражданина. Эти начала определяют содержание и направленность всей системы уголовного судопроизводства, выступая гарантией как защиты личности, так и охраны общества и государства от преступных посягательств.

Именно исходя из этих конституционно значимых ориентиров законодатель прямо возложил на всех участников уголовного процесса обязанность действовать в соответствии с требованиями защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения прав и свобод, а также обеспечения быстрого и полного расследования преступлений, справедливого судебного разбирательства и правильного применения уголовного закона (статья 6 УПК). Эти предписания не являются лишь декларацией, а представляют собой императивные указания, обязательные к исполнению на всех стадиях уголовного процесса.

Таким образом, ценностные основания уголовного судопроизводства, выраженные в Конституции и конкретизированные в статье 6 УПК, реализуются через ключевые организационно-процессуальные принципы, которые формируют практическое содержание уголовного судопроизводства. Среди них особое значение приобретают презумпция невиновности, объективность и беспристрастность разбирательства, а также индивидуализация ответственности и наказания.

Каждый из них выполняет самостоятельную функцию, но вместе они обеспечивают внутреннюю согласованность и справедливость уголовного процесса.

В этой связи, в процессе осуществления уголовного судопроизводства данные принципы требуют от уполномоченных органов рассмотрения каждого дела при строгом соблюдении презумпции невиновности, исключающей возможность признания лица виновным вне рамок судебного разбирательства, завершившегося вступившим в силу обвинительным приговором. До вынесения такого приговора обвиняемый должен рассматриваться исключительно как субъект, в отношении которого осуществляется уголовное преследование в целях установления истины и правовой оценки фактов.

Процессуальная деятельность при этом должна основываться на принципах нейтральности, полноты и всесторонности установления обстоятельств дела, исключающих доминирование обвинительной позиции и обеспечивающих равенство и состязательность сторон.

Индивидуализация ответственности и наказания, в свою очередь, требует учета специфики каждого конкретного дела, характеристик личности, роли в содеянном, а также всех юридически значимых обстоятельств, включая процессуальную позицию и факты, имеющие значение для назначения наказания.

И только соблюдение этих взаимосвязанных принципов исключает формализм, обеспечивает соразмерность правовой реакции и способствует достижению справедливого, мотивированного и юридически обоснованного итогового решения по делу.

3. В ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел нередко возникают процессуальные ситуации, связанные с множественностью эпизодов, участием нескольких обвиняемых в одном производстве, а также иными сложными конфигурациями уголовного преследования. Такие обстоятельства объективно затрудняют

полноценную реализацию и защиту прав участников процесса, ставят под угрозу своевременное и эффективное разрешение дела и создают риск нарушения принципов справедливого судопроизводства.

В связи с чем уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность выделения уголовного дела в отдельное производство, что представляет собой процессуальную форму организационного разграничения уголовного преследования. Выделение допускается в тех случаях, когда в отношении отдельных событий, обвиняемых или иных обстоятельств требуется индивидуальное процессуальное разрешение.

Реализация института выделения уголовного дела в отдельное производство прямо связана с обеспечением соблюдения ключевых организационно-процессуальных принципов уголовного судопроизводства: презумпции невиновности, объективности и беспристрастности разбирательства, а также индивидуализации ответственности и наказания. Именно эти принципы диктуют необходимость процессуального разграничения дел в ситуациях, когда это требуется для исключения риска переноса обвинительного уклона с одних участников процесса на других, для независимой оценки доказательств по каждому конкретному обвиняемому, без учета материалов, относящихся к иным эпизодам или лицам, а также для создания условий правовой оценки степени вины, умысла, роли в содеянном и других юридически значимых обстоятельств.

Подобный подход соответствует правовой позиции, изложенной в Решении Конституционного суда от 28 декабря 2022 года, в котором указано, что квалификация действий как единого преступления либо как совокупности преступлений должна осуществляться с учетом умысла виновного и конкретных фактических обстоятельств дела. При этом умысел на каждое правонарушение возникает отдельно и реализуется полностью, что требует самостоятельной оценки роли и вины каждого

обвиняемого, а также отдельного установления их конкретного намерения при совершении инкриминируемых деяний. Выделение уголовного дела в отдельное производство, таким образом, служит процессуальным инструментом, позволяющим соблюсти эти требования на практике.

Правовая основа данного института закреплена в статье 142 УПК, которая предоставляет следователю, судье и суду право на выделение уголовного дела в отдельное производство. Указанная норма одновременно устанавливает пределы применения этого процессуального инструмента, прямо закрепляя, что выделение допустимо лишь при условии, что оно не повлечет нарушения полноты, всесторонности и объективности уголовного судопроизводства.

Каждое такое процессуальное решение должно быть строго аргументировано на основе фактических данных, зафиксированных в материалах дела, и правовых норм. Органы преследования и суд обязаны не только действовать в рамках предоставленных им полномочий, но и давать детальное обоснование своих решений, исключая произвольный подход. Ни одна значимая фактическая линия не может оставаться без процессуального разрешения как в основном, так и в выделенном производстве.

Особо важно подчеркнуть, что само по себе выделение уголовного дела не означает предрешения вопроса о виновности обвиняемого. Несмотря на то, что обвинение формируется на стадии предварительного расследования, окончательная юридическая оценка содеянного, установление фактов и назначение наказания находятся в исключительной компетенции суда. Это согласуется с правовой позицией, изложенной в Решении Конституционного суда от 15 июня 2022 года, где акцентировано, что суд, в силу своего высокого предназначения, является органом, наделенным особой властью по отправлению правосудия, которой не обладает ни один орган государственной власти.

Поэтому выделение уголовного дела в отдельное производство следует рассматривать не как средство упрощения установления вины, а как процессуальный механизм, обеспечивающий индивидуализированное и беспристрастное судебное разбирательство.

Таким образом, статья 142 УПК устанавливает не только правовую возможность, но и задает рамки его допустимости, подчиненные задачам и целям уголовного судопроизводства. Тем самым, его использование направлено не на ограничение прав участников процесса, а напротив – на их защиту, исключающее произвольное вмешательство в их интересы и обеспечивающее справедливое разбирательство в разумные сроки.

4. Следует отдельно отметить, что статья 142 УПК регулирует не только выделение уголовного дела в отдельное производство, но также предусматривает возможность выделения материалов уголовного дела. Несмотря на внешнюю схожесть формулировок, эти процессуальные действия различны по своей правовой природе и правовым последствиям.

Как уже выше было отмечено выделение уголовного дела предполагает образование самостоятельного уголовного производства, в рамках которого процессуальные решения принимаются независимо от основного дела, с учетом особенностей конкретного обвиняемого, эпизода или обстоятельства. Выделение же материалов из уголовного дела представляет собой процессуальное действие, направленное на их автономное использование в целях инициирования новых уголовных преследований, разрешения сопутствующих правовых вопросов либо проведения дополнительной проверки по обстоятельствам, требующим отдельного реагирования в рамках уголовно-процессуальной формы. Указанные материалы служат основанием для проведения отдельной доследственной проверки, в ходе которой осуществляется правовая квалификация установленных фактов и действий потенциально причастных лиц. По результатам такой проверки компетентным органом

выносятся мотивированное процессуальное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

Вместе с тем, действующая редакция статьи 142 УПК не содержит раздельного нормативного регулирования этих процедур. Отсутствие четкого разграничения порядка, условий и последствий выделения материалов уголовного дела создает риск неоднозначного применения на практике.

С учетом различной правовой природы этих институтов представляется целесообразным законодательное разделение механизмов их применения. Для повышения правовой определенности и обеспечения единообразного применения норм уголовно-процессуального закона необходимо выделить регулирование выделения материалов уголовного дела в самостоятельную статью УПК, с конкретизацией порядка, оснований и процессуальных гарантий для участников процесса.

5. Уголовно-процессуальный закон допускает возможность разрешения уголовно-правового конфликта посредством заключения соглашения о признании вины, предусмотренного главой 57 УПК. Этот институт представляет собой особую форму процессуального урегулирования, при которой добровольное и осознанное согласие обвиняемого с предъявленным обвинением позволяет в упрощенном и ускоренном порядке разрешить вопрос о его уголовной ответственности. При этом суть обвинения остается неизменной: сохраняются как правовая квалификация деяния, так и предусмотренные законом пределы ответственности.

В то же время соглашение о признании вины, несмотря на диспозитивный характер, не сводится к простой договоренности между обвинением и защитой. Законодатель установил для него детально урегулированную процедуру и встроил многоуровневый механизм контроля (статьи 501-503 УПК), направленный на недопущение процессуальных злоупотреблений и гарантирование подлинной

добровольности признания. Это особенно значимо в тех случаях, когда признание сопровождается предоставлением обвиняемому определенных уступок со стороны государства – таких, как учет смягчающих обстоятельств и применение норм уголовного закона, предусматривающих снижение наказания. Подобные ситуации объективно несут риск, что согласие обвиняемого может быть вызвано не внутренним убеждением, а стратегическим расчетом, несмотря на возможное несогласие с фактической стороной или квалификацией предъявленного обвинения.

Процедура заключения соглашения включает несколько обязательных стадий с участием ключевых субъектов уголовного преследования. На досудебной стадии прокурор рассматривает ходатайство обвиняемого, принимает решение о его удовлетворении либо об отказе, и, при положительном решении, самостоятельно составляет текст соглашения, фиксируя в нем все существенные условия, включая описание деяния, квалификацию, вид и размер наказания.

Затем следственный судья, в порядке, установленном статьей 502 УПК, рассматривает поступившее соглашение с участием сторон. Его задача провести не формальную, а полноценную правовую проверку: установить добровольность признания, отсутствие давления, понимание обвиняемым существа предъявленного обвинения и осознанность отказа от полноценного судебного разбирательства. Только при соблюдении всех предусмотренных законом условий соглашение может быть утверждено.

Таким образом, институт соглашения о признании вины строится на принципе двухступенчатого процессуального контроля, что исключает риск формального утверждения соглашения без должной проверки.

6. Судебное разбирательство уголовного дела, основанного на соглашении о признании вины, осуществляется в особом порядке, регламентированном статьями 503-504 УПК. Существенной особенностью этого порядка является отказ от проведения традиционного судебного разбирательства: суд выносит приговор без исследования и оценки

доказательств, опираясь на признание вины обвиняемым, законность заключенного соглашения и соблюдение всех установленных законом требований.

Такая правовая модель завершения уголовного преследования основана на презумпции того, что признание вины является результатом взвешенного и добровольного волеизъявления обвиняемого, подтвержденного в установленном порядке. Именно поэтому законодатель исключил возможность обжалования такого приговора по основаниям, связанным с неисследованностью доказательств (часть 7 статьи 504 УПК), что подтверждает его процессуальную специфику.

Противное означало бы игнорирование добровольного отказа обвиняемого от предоставленных ему процессуальных прав, что подрывало бы стабильность и эффективность системы правосудия, нарушало бы принцип диспозитивности уголовного процесса, а также подменяло бы цели быстрого и полного расследования преступлений, основанные на оперативном реагировании при соблюдении прав обвиняемого.

В связи с изложенным Конституционный суд признает институт соглашения о признании вины допустимым в рамках конституционного правопорядка. Такой вывод обусловлен тем, что указанная правовая конструкция исключает произвольность, обеспечивает правовую определенность и выступает гарантией соблюдения справедливого судопроизводства, включая добровольность признания и недопустимость принуждения. Благодаря этому достигается необходимый баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав обвиняемого, а также реализуется принцип процессуальной экономии без ущерба для правовых гарантий.

7. В случаях многофигурного уголовного преследования заключение одним из обвиняемых соглашения о признании вины также требует выделения уголовного дела в самостоятельное производство. Это

продиктовано не только различием в применяемых процедурах как упрощенный порядок рассмотрения против традиционного судебного разбирательства, но и необходимостью соблюдения принципов индивидуализации уголовной ответственности и наказания, объективности и беспристрастности судебного разбирательства, презумпции невиновности, а также обеспечения процессуальных прав других обвиняемых. Выделение позволяет рассматривать дело обвиняемого, выразившего готовность понести наказание, обособленно, не предрешая и не влияя на исход других участников производства, по которым сохраняется право на всестороннее исследование доказательств и полноценное судебное разбирательство по существу.

При этом важно подчеркнуть, что приговор, вынесенный в рамках выделенного производства на основании соглашения о признании вины, не обладает преюдициальной силой в отношении других обвиняемых по основному делу. Он принимается без исследования доказательств и действует исключительно в пределах правового статуса лица, заключившего соглашение. Следовательно он не может рассматриваться в качестве доказательства виновности остальных участников дела, а равно как и служить основанием для признания установленными фактических обстоятельств, относящихся к ним.

В связи с чем, обжалование указанного приговора со стороны лиц, не участвовавших в выделенном деле, является неприемлемым с точки зрения уголовно-правовой доктрины. Такой отказ в рассмотрении жалобы не свидетельствует о нарушении их прав, поскольку приговор не порождает правовых последствий в отношении третьих лиц, не затрагивает их правовую позицию и не предопределяет исход основного разбирательства.

В свою очередь, у участников основного дела сохраняется весь комплекс процессуальных гарантий, в частности право на судебную защиту: возможность на исследование доказательств, представление возражений и истребование материалов из выделенного производства, с

вынесением обоснованного и справедливого приговора. А также использование таких институтов пересмотра судебных актов, как пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, Конституционный суд отмечает, что приговор, вынесенный в рамках выделенного производства на основании соглашения о признании вины, в оспариваемом случае не может рассматриваться как затрагивающий конституционные права заявителя.

8. Право на апелляционное обжалование уголовных дел, в соответствии с УПК, предоставляется строго определенным сторонам процесса – обвиняемому, его защитнику, прокурору, потерпевшему и их представителям, то есть тем, чьи права и интересы непосредственно затрагиваются судебным решением. Такое ограничение прямо вытекает из конституционных принципов права на судебную защиту, состязательности и равноправия сторон (часть 1 статьи 61, части 3 и 5 статьи 100 Конституции), согласно которым право на пересмотр судебного решения может быть эффективно реализовано лишь теми участниками процесса, которые имеют прямой и законный интерес в его исходе, располагают процессуальными средствами защиты и способны влиять на содержание и ход разбирательства.

Указанный подход обеспечивает баланс между доступом к правосудию и необходимостью поддержания стабильности судебной системы, исключая необоснованное затягивание процесса и защищая стороны от произвольного стороннего обжалования и правовой непредсказуемости. Он направляет применение механизмов пересмотра судебных актов на действительно существенные и юридически значимые основания, тем самым укрепляя доверие к судебной власти и обеспечивая справедливое судебное разбирательство.

Наряду с этим, в целях реализации конституционной установки, закрепленной в части 5 статьи 100 Конституции, предусматривающей право лиц, чьи права и законные интересы затронуты судебными

решениями, на их обжалование, уголовно-процессуальное законодательство допускает такую возможность подачи жалобы и со стороны иных лиц, на имущество которых наложен арест либо возложена обязанность по возмещению материального ущерба или морального вреда (часть 2 статьи 397 и часть 1 статьи 440 УПК). Тем самым законодатель признает, что последствия уголовного преследования могут выходить за пределы правового статуса его непосредственных участников.

Однако применяемое регулирование носит ограниченный характер и сужается до указания на случаи ареста имущества, не охватывая иные формы вмешательства в имущественные права, такие как ограничение или лишение права собственности, уничтожение имущества либо иные последствия, прямо не поименованные в законе, но имеющие сопоставимую правовую значимость.

В этой связи Конституционный суд отмечает, что действующее правовое регулирование, касающееся возможности апелляционного обжалования приговоров, требует дополнительной нормативной конкретизации, обеспечивающей учет всех форм затрагивания чьих-либо имущественных прав.

Признание факта затронутости имущественных прав не может зависеть исключительно от формального участия лица в уголовном процессе. В случаях, когда последствия уголовного преследования объективно затрагивают имущество лица, даже если оно не признано потерпевшим или стороной по делу, ему должно быть обеспечено эффективное средство судебной защиты, соответствующее принципам правового государства и обеспечивающее справедливость разбирательства.

Необходимо также иметь в виду, что право обжалования судебных актов в кассационной инстанции сформулировано более широко, нежели чем в апелляционном порядке.

Учитывая изложенное, законодателю необходимо также гармонизировать уголовно-процессуальное законодательство, в части,

регулирующего порядок обжалования судебных актов как в апелляционной, так и в кассационной инстанциях.

В то же время, во избежание произвольного расширения круга субъектов обжалования и недопущения подрыва целей правосудия, Конституционный суд считает целесообразным, чтобы детализация критериев затрагивания имущественных прав была осуществлена Пленумом Верховного суда Кыргызской Республики посредством разъяснений, обеспечивающих единообразие и предсказуемость правоприменительной практики.

На основании изложенного Конституционный суд приходит к выводу, что правовое регулирование, устанавливающее перечень лиц, обладающих правом на обжалование судебных решений, не охватывает правовую ситуацию, на которую ссылается заявитель. Соответственно, указанный нормативный подход не нарушает ее конституционные права, включая гарантии судебной защиты, принципы верховенства права, положения о неотчуждаемости прав и свобод, а также требования равенства и состязательности сторон в судопроизводстве.

Руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4, 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать части 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими частям 1, 2 статьи 61, частям 3, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

2. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

По данному делу имеется особое мнение судьи Бобукеевой М.Р. (см. ниже).

Особое мнение
судьи Конституционного суда Кыргызской Республики
Бобукеевой Меергул Рыскулбековны

На основании статьи 50 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» излагаю своё особое мнение относительно пункта 1 резолютивной части решения Конституционного суда Кыргызской Республики по делу о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее-УПК) в связи с обращением Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего интересы Сакимбаевой Айжан Базаркуловны.

Излагая особое мнение по пункту 1 резолютивной части решения, считаю важным подчеркнуть, что в целом разделяю правовые позиции, изложенные Конституционным судом в мотивировочной части.

Кроме того, Конституционный суд, проверяя конституционность оспариваемых норм, выявил и обоснованно указал на существующие пробелы уголовно-процессуального регулирования. К их числу относятся, в частности, вопросы, связанные с условиями заключения соглашения о признании вины и, как следствие, с выделением уголовного дела в отдельное производство. Однако, на мой взгляд, Конституционному суду также следовало бы дать определенный ответ на ключевой правовой вопрос, связанный со статусом лиц, уголовные дела в отношении которых были выделены в отдельное производство в связи с заключением соглашения о признании вины, при их последующем привлечении в качестве свидетелей по основному делу.

Отсутствие прямого разъяснения по данному вопросу способно породить неоднозначность в правоприменительной практике и создать риск нарушения процессуальных гарантий участников уголовного

судопроизводства, особенно в случаях, когда дело выделяется в связи с заключением досудебного соглашения о признании вины.

Разъяснение данного вопроса имеет принципиальное значение. Привлечение лица, в отношении которого ранее осуществлялось уголовное преследование, в качестве свидетеля без ясного законодательного урегулирования его процессуального положения может привести к конфликту между правом на защиту и обязанностью давать свидетельские показания. Так, в выделенном производстве указанное лицо выступает как обвиняемый (или подсудимый), тогда как в основном деле оно предполагается свидетелем. Тем не менее, в качестве кого выступает такое лицо, не будучи подсудимым по основному уголовному делу, а привлекается к участию в судебном заседании по этому делу для дачи показаний как свидетель, либо обладатель сведений об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения.

Сложившаяся неопределённость затрагивает гарантированные Конституцией Кыргызской Республики права, в частности: право не свидетельствовать против самого себя (статья 57 Конституции), а также право на судебную защиту (статья 61 Конституции). До вступления приговора в законную силу лицо формально остаётся обвиняемым, и его допрос в качестве свидетеля по другому делу может привести к самооговору или противоречиям с позицией защиты в собственном процессе. Такая ситуация нарушает принцип определённости правового статуса и создаёт риск оспаривания допустимости его показаний.

Необходимость чёткого урегулирования подтверждается и международными стандартами, включая статью 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепляющую право обвиняемого не быть принуждённым к самообвинению и право на эффективную защиту.

Таким образом, сложившаяся ситуация в данном вопросе способно вызвать неоднородность судебной практики и привести к нарушению

принципов правовой определённости и справедливости, являющихся основополагающими в конституционном правосудии. В этой связи считаю, что Конституционному суду следовало бы прямо указать на необходимость законодательного уточнения статуса таких лиц, либо дать собственное толкование, исключаящее риск нарушения их процессуальных гарантий.

Выражая особое мнение, считаю необходимым обратить внимание на то, что Конституционный суд в мотивировочной части справедливо указал, что действующее правовое регулирование в части апелляционного обжалования приговоров нуждается в дополнительной нормативной конкретизации. Такая конкретизация должна учитывать все возможные формы затрагивания имущественных прав лиц.

При этом Конституционный суд сам признает, что если последствия уголовного преследования объективно затрагивают имущество гражданина, то вне зависимости от того, признан ли он потерпевшим или стороной по делу, ему должно быть обеспечено эффективное средство судебной защиты. Это требование прямо вытекает из принципов правового государства и необходимости гарантировать справедливость судебного разбирательства.

Следует также отметить, что право на кассационное обжалование сформулировано в законе шире, чем право апелляционного пересмотра. В этой связи представляется необходимым законодателю провести гармонизацию уголовно-процессуального законодательства, обеспечив согласованность норм, регулирующих порядок обжалования судебных актов как в апелляционной, так и в кассационной инстанциях.

Однако, излагая такую правовую позицию, Конституционный суд, отступив от принципа разумной сдержанности, должен был констатировать противоречие оспариваемой нормы УПК Конституции в той мере, в какой она не предусматривает права на апелляционное обжалование для лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются

судебным решением. Такое признание обеспечило бы системность, согласованность правовой системы и ее буквальную определенность, а также эффективную защиту граждан.

Кроме того, в резолютивной части Конституционному суду следовало специально подчеркнуть, что такая правовая позиция, касающаяся частей 1 и 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, не распространяется на уголовные дела Узбекова П.А. и Сакимбаевой А.Б. Соответственно, их судебные решения не подлежали бы пересмотру по основанию заключения соглашения о признании вины, так как в этих случаях отсутствовала полноценная судебная оценка фактических обстоятельств. Принятое решение, таким образом, не предрешало исход дела и не обладало преюдициальным значением применительно к уголовному делу Сакимбаевой А.Б.

Судья Конституционного суда

М.Р. Бобукеева